

эффективное усвоение указанных структур литературным языком свидетельствует о постепенном преодолении ими прежней стилистической замкнутости узкими рамками делового дискурса.

В задачи дальнейшего изучения исследуемых нами устойчивых комплексов входит исследование иных функций УНВК, в частности, дефинитивной, интегративной и других, поскольку они, как и сам язык, полифункциональны.

Литература

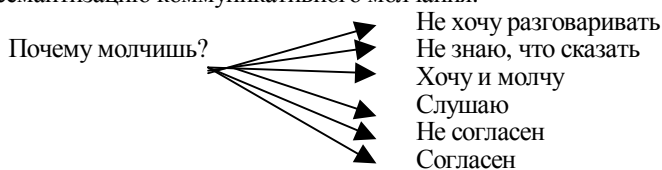
1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 142 с.
2. Денисенко С. Н. Мотиваційна база фразеологічної деривації. – Львів: Мовознавство. – № 5. – 1993. – С. 49-55.
3. Кочерган М. П. Загальне мовознавство. – К.: Академія, 2003. – 464 с.
4. Кубрякова Е. С. Язык и знание. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 555 с.
5. Колшанский Г. В. Функции паралингвистических средств в языковой коммуникации. – М.: Вопросы языкознания. – № 1. – 1973. – С. 16-25.
6. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации. – К.: Фитосоцицентр, 2002. – 336 с.
7. Тураева З. Я. Лингвистика текста. – М.: Просвещение, 1986. – 126 с.
8. Шаронова Е. В. Дискурсивно – функциональный подход к номинOVERбальным комплексам. Вісник ХНУ ім. В. Н. Каразіна, № 726. – Харків: Константа, 2006. – С. 131-134.
9. Чуковский К. За живое, образное слово. – М.: Знание, 1967. – 64 с.
10. Keller Rudi. Sprachwandel. 3. Auflage. – Tübingen und Basel: A. Francke Verlag, 2003. – 238 S.
11. Schnurre Wolfdiétrich. Zur Problematik der Kurzgeschichte. Arbeitstexte für den Unterricht. Theorie der Kurzgeschichte. – Stuttgart: Philipp Reclam, 1977. – 96 S.
12. Wořak Barbara, Heine Antje. Zur Abgrenzung und Beschreibung verbonominaler Wortverbindungen (Wortidiome, Funktionsverbgefüge, Kollokationen). – L.: DaF, 2005. – №4- S. 143-153.

Швачко С. А.

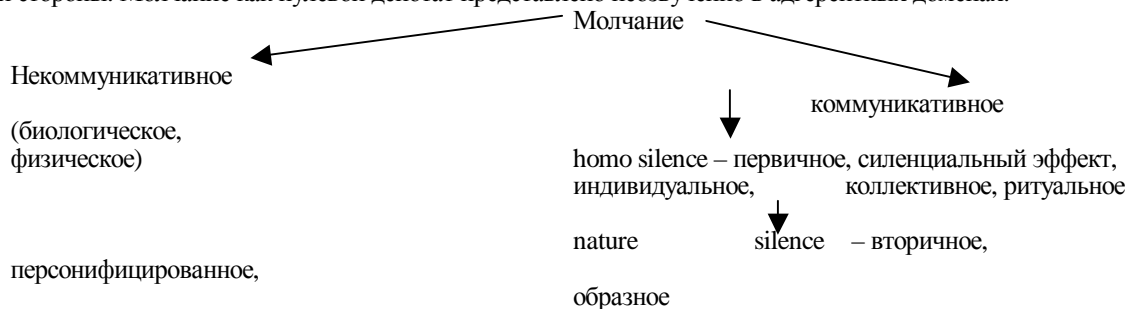
ОБРАЗ ТИШИНЫ: КОГНИТИВНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

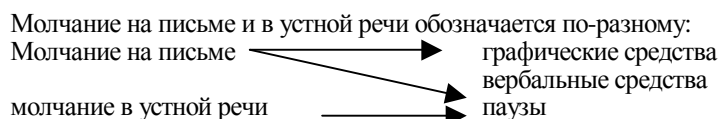
Поведение в социуме отмечено большой диверсификацией, интеграцией языковых и неязыковых действий человека, который работает, отдыхает, общается, оязыковляет наблюдения, сообщает о своих намерениях. В социуме используются вербальные (словесные) и невербальные (кинесика, просодика, проксемика, такесика, молчание) средства общения. Объектом исследования в данной статье выступает феномен персонифицированного молчания, предметом – его когнитивные и лингвистические аспекты (на материале художественного дискурса современных английского и русского языков). Актуальность исследования объективируется тенденциями лингвистики к изучению проблем коммуникации, а также – малоисследованностью вторичных образований в домене силенциального эффекта (термин А. Д. Беловой). Антропоцентричный характер объекта – nature silence эксплицируется его восходящими ассоциациями с homo silence, коммуникативным молчанием в социуме [1]. В статье фокусируется внимание на источниках nature silence, его экстерииоризации в современных языках.

Невербальные средства коммуникации исследуются многими лингвистами, изучающими объект с междисциплинарных позиций [2; 3; 4; 6; 7; 10]. Коммуникативному молчанию, как свидетельствуют исследования, присущи: ситуативность, диалогичность, антропоцентричность и эмоциональность. Высокий социальный статус молчания объективирует стратегическое назначение последнего. Полифункциональность коммуникативного молчания объясняется его полимодальностью, имплицитностью, уходом от конфликтной ситуации и т. д. «Невербальное поведение человека тоже входит в среду категории статусности, позволяет оценить статус личности, психологический мир и психическое состояние коммуниканта. Еще одним способом ее реализации является силенциальный компонент коммуникации – молчание» [3, с. 81]. Молчание – полиаспектное явление, в письменном дискурсе (в нашем случае – художественном дискурсе – ХД) оно представлено коммуникативным (homo silence), персонифицированным (nature silence) типами. Коммуникативное молчание из-за отсутствия денотата (наличие нулевого денотата) носит ситуативный характер. Ср.: частичную семантизацию коммуникативного молчания:

Это далеко не полный перечень причин силенциального эффекта. В ХД нарратор, например, описывает молчание персонажей и молчание природы – тишину. Коммуникативное молчание человека противостоит некомуникативному молчанию, с одной стороны, и образному персонифицированному молчанию в природе, с другой стороны. Молчание как нулевой денотат представлено неозвученно в адгерентных доменах:

Значимость графических средств в процессе семантизации пауз является очевидной. Например, англ. *Silence...silence! Even when the children had gone silent he seemed unable to stop himself and he continued on roaring. 'SILENCE...DO YOU HEAR SILENCE?'* [19, p. 165]; рус. *Казнить, нельзя помиловать; казнить нельзя, помиловать.*

Графика молчания, семантизируя ситуацию нервозности, хезитации, поиска мысли и ее материализации, включает многоточие, тире, редуцированные знаки – вторичные в своем функционировании по отношению к пунктуационным знакам.

В ХД графические знаки используются по отношению к homo silence, лексические средства используются бивекторно по отношению к homo silence и nature silence, например: англ. *'In... your understanding of people... 'she could only stammer'* [16, p.32].

«Sara, don't – «he stopped and turned his eyes away from her quivering face [11, p. 188-189].

But this childless silence was more than just a condition [17, p. 3].

Номинации тишины отмечены наличием одного или нескольких компонентов. Например, англ. *They resumed their work in silence* [12, p. 622]. *The control rule party waited in tense stillness* [16, p. 27]. *They were silent for a moment* [17, p. 191]. *He remained silent for a long moment* [20, p. 9]. *Sair Ann glanced at her sharply, pausing in her occupation of dispensing drinks* [13, p. 162].

Вербализаторы молчания представлены нейтральными и стилистическими единицами. Графические и лексические средства номинации молчания реализуются в ХД совместно (1) и врозь (2). В случае (1) интеграция маркеров представлена в диалогической речи персонажей ХД. Во (2) случае графические средства употребляются обособлено, только в диалогах, а лексические средства – совместно при описании как homo silence, так и nature silence. Лексические средства при этом выполняют функцию комментирования. Триада функционирования вербальных средств обозначения молчания прослеживается в:

§ констатации силенциального эффекта,

§ комментирования последнего,

§ экспликации использования графических средств.

Молчание, как коммуникативный акт, отличается разнопредставленностью (устная :: письменная речь, homo silence :: nature silence, индивидуальная :: социальная, физическая :: психическая, магическая :: этическая), полифункциональностью (коммуникативная, ритуальная, креативная, эмоциональная, экспрессивная, когнитивная функции), полимодальностью (субъективные интенции, намерения, оценки).

Молчание, как одна из универсальных форм человеческого поведения, детерминирована интегративным действием лингвальных и экстралингвальных (социальных, гендерных, национальных, культурных) факторов. Как вторичное образование, nature silence превращается в феномен очеловечивания, олицетворения, оязыковления стилистическими средствами. Персонифицированное молчание имеет тенденцию к образному обозначению посредством эпитетов, контекстуальных синонимов, оксюморонов, метафор, например:

англ. *They were both lost in a silent world of contemplation* [14, p. 47].

He remained silent and hostile [18, p. 116].

He began to cry quite silently [18, p. 318].

In the silence of the soft gray air he heard the cricket bats from here and from there [15, p. 257].

рус. *Изба-старуха челюстью порога жует пахучий мякиш тишины* [5, с. 62]; *Здравствуй, златое затишье* [5, с.84]; *И ночь неслышно обходит дом* [9, с. 291]; *Я защищаю не голос, молчанье мое* (Ахматова); *Твое молчанье звучит не убедительно* (Ахматова).

Конгруентность номинаций homo silence и nature silence детерминирована семантическим дизайном индивидуальных языковых систем. Так, рус. *Тишина* используется для экстерииоризации nature silence, англ. *silence* – для номинаций первичного и вторичного молчаний. Ср. рус.:

<p>а) как дни тихи ; <i>тихонько пальцем барабанил;</i> <i>и тихо тронусь в путь;</i> <i>камень кинутый в тихий пруд</i> [8, с. 36, 40, 56, 66]</p>	<p>б) <i>безмолвен рот его углами вниз;</i> <i>присядем молча мы;</i> <i>качала бы – молчала бы – потушивши глаза;</i> <i>молча: слушай!</i> [8, с. 38, 43, 10, 11]</p>
--	--

Слова рус. *тихий, тихонько* не всегда обозначают наличие полной тишины, которая ослепляется как базовыми, так и небазовыми, близкими по семантике единицами. Например, рус. *Погасло солнце Тихо на лужке, Пастух играет песню на рожке; Отговорила роица золотая Березовым веселым языком; У молчащих ночью кипарисов; а в полночную тишину потеряла тальянка голос; Ты мне скажешь тихо: Добрый вечер.* [5, с. 54, 137, 175, 234, 254]; *Если при столкновении книги с головой раздастся пустой звук, то всегда ли виновата книга?* (Георг Лихтенберг, см. [9, с. 261]); *и ночь неслышно обходит дом; в угловом покое тихо и пустынно* [9, с. 291, 303].

Силенциальный эффект, как нулевой денотат, реализуется в индивидуально-психологическом, социально-культурном молчании – homo silence. Nature silence – исходное от homo silence, обозначается в английском языке словами *silent, quiet, calm*, семантическая конгруентность которых выражается соответствующей эквивалентностью (E). Ср. *E.silence :: quiet =0,4; E. silent:: quiet=0,33; E. silent :: calm=0, 2*. Лексема *silent* является доминантной в группе номинаций тишины / молчания. *Silent* указывает на отсутствие голоса, *quiet* – на его тихое, приглушенное звучание, *calm* – на тихое, спокойное звучание.

Персонифицированный образ тишины представлен сукцессивной векторностью от номинации безмолвного поведения человека до метафорического обозначения природного явления типа: англ. *The silent*

Moon (Rossetti), рус. *Безмолвный полдень* (Копостинская). Образ тишины оязыковляется пикториальными словами, имеющими отношения к синестезии. Ср.: англ. *Deep silence, pulsing silence, thick silence, irritated silence, pregnant pause, silver silence, perfect silence, silent adoration, silent cause, silent explosions*. Семантический сдвиг может иметь обратный вектор номинации, от природных явлений до носителей языка, например: рос. *Я хочу быть тихим и строгим, Я молчанию у звезд учусь* [5, с. 83].

Nature silence как субъект персонифицированного молчания не может говорить, не имеет ни органов артикуляции, ни ментального бытия, но при этом образно уподобляется поведению людей, их действиям, состоянию – метафоризируясь, вовлекается в домен художественных образов типа рус. *Я до слез наговорилась с тишиной; страшный крик – это молчание*.

Молчание – ингерентный компонент знаковых отношений, катализатор когнитивно-рефлекторного, эмотивно-эмоционального состояния, ситуативно-детерминированный семиотический феномен.

Перспективным представляется изучение силленциального эффекта (образного и необразного) в разных дискурсах близких и дистантных языков.

Источники и литература

1. Анохина Т. О. Невербальні та вербальні засоби екстеріоризації силленциального ефекту в англomовному художньому дискурсі // Дис. на... канд. філол. наук – 10.02.04. – К., 2005. – 229 с.
2. Арутюнова Н. Д. Феномен молчания // Язык о языке. Сб.с татей под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой – М.: Язык русской культуры. – 2000. – С. 417–436.
3. Белова А. Д. Лингвистические аспекты аргументации / Монография. – К.: Київський національний ун-т ім. Т. Г. Шевченка, 1997. – 310 с.
4. Богданов В. В. Молчание как нулевой речевой акт и его роль в вербальной коммуникации // Сб. Языковое общение и его единицы. – Калинин: Калининградский гос. ун-т, 1986. – С. 12-18.
5. Есенин С. Избранное. – М.: ХЛ. – 1952. – 271 с.
6. Инобуси Йоко. Феномен молчания как компонент коммуникативного молчания // Автореф. на ... канд.филол. наук – 10.02.19. – Нак. Принт, 2003. – 24 с.
7. Сенчикова Е. П. Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке // Монография. – М.: МГОУ, 2002. – 307 с.
8. Цветаева М. Сочинения в двух томах: Т. 1. – Минск: Народная Аскета, 1989. – 545 с.
9. Черный С. Стихотворения. – М-Л.: Советский писатель, 1962. – 574 с.
10. Швачко С. О., Анохина Т. О. Комунікативно-прагматичні особливості паузи. // Науковий Вісник кафедри ЮНЕСКО Київського національного лінгвістичного ун-ту LINGUAPAX – VIII. – К.: Видавничий центр КНЛУ. – 2002. – Випуск 6. – С. 53-57.
11. Buck, Pearl. China Sky. – New York, 1942. – 272 p.
12. Dahl, Ronald. The Collected Short Stories. – Gr.Br., 1992. – 762 p.
13. Greenwood, Walter. Love on the dole. – London: Vintage, 1993. – 256 p.
14. Howard, Audrey. Whispers on the water. – BCA, 2002. – 424 p.
15. Jordan, Penny. Response. – Great Britain, 1998. – 221 p.
16. Keen, Tom and Haynes, Brian. Spy ship. – New York: A Dell/Emerald Book, p.384.
17. koontz, Dean. Mr.Murder. – New York: Berkley Books, 1994. – 481 p.
18. Maugham, W.S. Of Human Bondage. – New York, 1936. – 565 p.
19. Milligan, Spike. It ends with magic. A milligan Family Story. – London: Penguin Group, 1990. – 243 p.
20. Robbins, Harold. Desend from Xanada. – London, 1985. – 297 p.

Швец Н. С., КОГНІТИВНО-ФУНКЦІОНАЛЬНІ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАЗВ ДНІВ ТИЖНЯ ЯК СКЛАДОВОЇ КОНЦЕПТУ ЧАСУ

Незважаючи ні на що ми вимірюємо час – хоча не можемо вимірювати ані того, чого ще немає, ані того чого вже немає, ані того, що немає обсягу, ані того, що немає початку і кінця. Ми не вимірюємо ані майбутнього, ані минулого, ані сучасного... але все-одно ми вимірюємо час!

Св. Августин.

Існує декілька загальних універсальї, які цікавили і продовжують бути актуальними для представників філософських та мовознавчих шкіл усіх часів та народів. До таких ми небезпідставно відносимо ЧАС.

Час має значну кількість іпостасей, кожна з яких виявляє відносний характер цієї категорії. У фізиці та астрономії говоримо про астрономічний, зірковий, сонячний час; у природознавчих науках мова йде про географічний та геологічний час, у біології – про біоритми та біологічний час; суспільствознавчі дисципліни вивчають історичний, хронологічний та суспільний час; психологи ж наголошують на індивідуальному відчутті часу і досліджують психологічний, внутрішній час.

Категорію часу, як одну з онтологічних сутностей всесвіту, було визнано Арістотелем (кількість руху щодо попереднього і наступного), Платоном (рухомий образ вічності), Августином, Кантом (форма внутрішнього відчуття, тобто споглядання нас і нашого внутрішнього стану) [3, с. 25]. Різноманітність існуючих визначень часу не дає чіткого уявлення про його онтологічний статус. А тому подальша мовознавча розвідка з цього питання є достатньо перспективною, оскільки саме мова є найбагатшим джерелом інформації про осмислення людиною цієї сутності, її уявлення про поділ часу. Будучи поєднанням певних емпіричних уявлень про об'єктивні якості світу, час є безпосереднім представленням категоризуючої діяльності людини, що закарбовано в її мовному досвіді.

Картина світу – одне з фундаментальних понять, які описують людське буття. Мовні категорії утворюють основу тієї когнітивної інфраструктури, яку прийнято називати мовною картиною світу (МКС). МКС є відображенням категоризуючої діяльності людини, а тому й невід'ємною частиною її життєвого світу.

У мовній картині світу діалектично взаємопов'язані об'єктивні і суб'єктивні моменти відображення світу. Соціально-історичні характеристики життя народу багато в чому визначають своєрідність мовної вибіркової фіксації світу, в свою чергу, зафіксований у мові спосіб бачення світу впливає на активну соціально-історичну свідомість народу і його щоденну поведінку.